

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7.12>

Трофимова Александра Михайловна

[ДВЕ ЛИНИИ В СУДЬБАХ ВЕТЕРАНОВ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ \(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ В. И. СКЛЯРЕВИЧА С К. П. ЗЛИНЧЕНКО 1920-1930-Х ГГ.\)](#)

Автор настоящей статьи ставит перед собой задачу прояснить процедуру адаптации социалистов-народников к бытовым и политическим реалиям конца 1920-х - начала 1930-х гг. На основе анализа обнаруженной в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) переписки двух ветеранов-революционеров выявляются две тактики приспособления. Первая предполагала компенсацию небольшевистского прошлого коммунистической идейностью и политическим активизмом. Вторая характеризовалась попыткой компромисса с властью: бывшие противники большевиков отказывались от идейных установок потерпевшего поражение народничества и отстранялись от активной политической деятельности в пользу общественной работы. Обосновывается точка зрения, согласно которой компромиссная позиция способствовала успешной адаптации ветеранов к постреволюционной действительности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/7/12.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(93) С. 65-69. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/7/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Аристотель.** Афинская полития / пер. С. И. Радцига. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. 131 с.
2. **Бузескул В. П.** История Афинской демократии. СПб.: Гуманитарная Академия, 2003. 480 с.
3. **Геродот.** История: в 9-ти кн. / пер. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.
4. **Глускина Л. М.** Дельфы в период Первой Священной войны // Вестник древней истории. 1951. № 2. С. 213-221.
5. **Грант М.** Греческий мир в доклассическую эпоху / пер. с англ. Т. Азаркович. М.: Терра – Книжный клуб, 1998. 527 с.
6. **Диоген Лаэртский.** О жизни, учении и изречениях знаменитых философов / пер. и ред. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979. 571 с.
7. **Кулишова О. В.** Дельфийский оракул и тирания в архаической Греции // Античный полис: проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества: межвуз. сб. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1995. С. 12-27.
8. **Ленцман Я. А.** Достоверность античной традиции о Солоне // Древний мир: сборник статей, посвященный академику В. В. Струве. М.: Издательство восточной литературы, 1962. С. 579-586.
9. **Павсаний.** Описание Эллады: книги V-X / пер. С. П. Кондратьева; под ред. Е. В. Никитюк. СПб.: Алетейя, 1996. 563 с.
10. **Пальцева Л. А.** Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. 286 с.
11. **Плутарх.** Сравнительные жизнеописания / изд. подгот. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. М.: Наука, 1994. 706 с.
12. **Суриков И. Е.** Солон и Дельфы [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1403443605#n1> (дата обращения: 30.05.2018).
13. **Туманс Х.** Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII-V вв. до н.э.). СПб.: Гуманитарная Академия, 2002. 544 с.
14. **Фукидид.** История / пер. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1981. 543 с.
15. **Самп J.** The Archaeology of Athens. New Haven – L.: Yale University Press, 2001. 352 p.
16. **Linforth I. M.** Solon the Athenian. Berkeley: University of California Press, 1919. 318 p.

DELPHI AND SOLON'S POLICY

Solov'eva Aleksandra Sergeevna
 Saint Petersburg University
 alek-soloviova@mail.ru

The article is devoted to studying the interrelations between Delphi sanctuary and Athenian politician Solon. Delphi's prophecies addressed to the reformer are under analysis. The paper tackles the important problem of the attitude of ancient Greece's most important sanctuary to Solon's political activity. After analyzing the information of ancient authors and scientific literature the researcher concludes that the sanctuary favoured Solon's foreign policy – the war for Salamis Island. Special attention is paid to the role of Delphi sanctuary in Solon's socio-political reforms. The paper concludes that Delphi supported Solon's autocratic reign.

Key words and phrases: Delphi; Solon; Athens; religion; archaic epoch; reforms; policy; aristocracy.

УДК 94(470)“1920/1930”

Дата поступления рукописи: 22.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7.12>

Автор настоящей статьи ставит перед собой задачу прояснить процедуру адаптации социалистов-народников к бытовым и политическим реалиям конца 1920-х – начала 1930-х гг. На основе анализа обнаруженной в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) переписки двух ветеранов-революционеров выявляются две тактики приспособления. Первая предполагала компенсацию небольшевистского прошлого коммунистической идейностью и политическим активизмом. Вторая характеризовалась попыткой компромисса с властью: бывшие противники большевиков отказывались от идейных установок потерпевшего поражение народничества и отстранялись от активной политической деятельности в пользу общественной работы. Обосновывается точка зрения, согласно которой компромиссная позиция способствовала успешной адаптации ветеранов к постреволюционной действительности.

Ключевые слова и фразы: ветераны революционного движения; социалисты в Советской России; народничество; большевики; социалисты-революционеры; адаптация; Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

Трофимова Александра Михайловна

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
 alexandra.tr.90@gmail.com

**ДВЕ ЛИНИИ В СУДЬБАХ ВЕТЕРАНОВ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
 (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ В. И. СКЛЯРЕВИЧА С К. П. ЗЛИНЧЕНКО 1920-1930-Х ГГ.)**

Известные исследователи эсеровского движения С. А. Красильников и К. Н. Морозов обнаруживают «весьма противоречивые тенденции почти полувекových (1880-1920-е гг. – А. Т.) взаимоотношений

«друго-врагов» – марксистов и народников»; по их утверждению, третье десятилетие XX века было знаменательно тем, что большевикам удалось «насиловать поставить точку» в затянувшемся споре между двумя основными течениями социализма в России [5, с. 131]. Это явление существенным образом отразилось на процессе адаптации деятелей революции к советской реальности. Осознание небошевистского прошлого как серьезного обременения диктовало выбор той или иной линии поведения для каждого из потерпевших поражение социалистов-народников. Основываясь на документах, впервые вводимых в научный оборот, автор настоящей статьи ставит перед собой задачу выявить тактику приспособления ветеранов-революционеров к реалиям конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Судьба деятелей революционного движения в Советской России указанного периода мало отражена в исторических источниках личного происхождения. Мемуарная литература представлена несколькими юбилейными публикациями, посвященными деятельности двух ветеранских организаций – Общества старых большевиков (ОСБ) и Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ОПК), а также немногочисленными воспоминаниями самих революционеров и их потомков. В этих материалах обнаруживаются авторские интерпретации событий, свидетелями которых были мемуаристы. Значительный пласт исторических источников составляют также автобиографии, хранящиеся в фондах указанных общественных организаций; однако в силу присущего подобным документам официозного характера их содержание в основном сводится к самопрезентации деятелей революции.

Между тем личностные аспекты приспособления социалистов к реалиям постреволюционной России вызывают немалый интерес, ибо позволяют осмыслить, как ветераны-революционеры оценивали свое прошлое, что думали о событиях настоящего, как искали свое место в новой действительности. В этой связи ценным историческим источником представляется обнаруженная в фонде старого большевика К. П. Злинченко в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) переписка с другим ветераном революции – В. И. Скляревичем [1, д. 30]. Особенность ее состоит в том, что корреспондентами являлись люди, объединенные общим народофильским прошлым, оказавшиеся впоследствии по разные стороны баррикад.

Владимир Иванович Скляревич имел солидный революционный стаж: не достигнув двадцатилетнего возраста, в 1879 г., он уже принимал участие в народофильском движении [6, д. 419, л. 1]. С 1885 по 1895 гг. Скляревич являлся одной из центральных фигур в т.н. «Киевской заговорщической группе», известной под названием «Фокинской», которую в последние несколько лет ее деятельности возглавлял. В 1902 г. бывший народолец примкнул к эсеровской партии и состоял в ней до 1922 г., ведя активную общественно-политическую работу. Революция застала Владимира Ивановича в ссылке в одном из поселений Иркутской губернии, откуда он перебрался в Читу, где, по его словам, «всцело отдался педагогической и связанной с нею общественной деятельностью» [Там же, л. 6].

Непростой путь его товарища по революционному движению К. П. Злинченко описан в частично опубликованных воспоминаниях «Жизнь как она была» [2]. Кирилл Павлович был незаконнорожденным сыном бывшей прачки, оказавшейся на содержании старого полковника. Под влиянием тяжелой жизненной обстановки он увлекся религией, затем эволюционировал в толстовца. Однако не удовлетворенный идеологией непротивления злу, стремясь к деятельной борьбе против несправедливого мироустройства, молодой человек оказался втянут в народофильскую группу «заговорщиков», руководимую В. И. Скляревичем. К началу XX века идейные поиски привели его в социал-демократическое движение, но, примкнув к большевикам, Злинченко вскоре вынужден был эмигрировать. До революции 1917 г. он состоял в Социал-демократической партии Швейцарии. По возвращении в Россию занимался в основном журналистикой, заведовал русским отделом РОСТА, историческим отделом Истпарта, был редактором журнала «Пролетарская революция». Кроме того, Злинченко принимал активное участие в деятельности Общества старых большевиков и в организации Музея революции. Таким образом, и К. П. Злинченко, и В. И. Скляревича можно отнести к активным деятелям революционного движения, биографии которых во многом определялись идейными метаниями.

В личном фонде старого большевика Злинченко отложилось несколько десятков документов, включающих как подлинные письма и почтовые открытки, так и черновики, а также несколько машинописных копий. Среди этих материалов выделяются объемные тексты (по 3 и более страницы); однако в большинстве случаев письма представляют собой краткие сообщения о текущих делах или содержат вопросы, уточняющие факты совместного революционного прошлого. Судя по всему, переписка, длившаяся с 1926 по 1933 гг., была интенсивной и сохранилась не полностью. Кроме того, неразборчивый (в ряде случаев нечитаемый) почерк К. П. Злинченко вынуждает исследователя ориентироваться главным образом на содержание писем его корреспондента и немногочисленные перепечатанные экземпляры. Кирилл Павлович проживал в Москве, его адресат – В. И. Скляревич – в Чите, а затем в Иркутске и Ленинграде. Продолжительное письменное общение между ними носило в целом характер доверительной дружеской беседы старых товарищей по революционной борьбе. Вместе с тем оно отразило неравное положение, в котором находились член правящей партии и бывший сторонник поверженных ею эсеров.

Содержательная сторона переписки может быть представлена несколькими тематическими блоками. Первый из таких блоков составляют воспоминания о прошлом, главным образом о нескольких годах совместной революционной работы в «Киевской заговорщической организации». Как известно, в 1920-е – начале 1930-х гг. в научном и общественном дискурсе сосуществовали во взаимной борьбе две тенденции в оценке народнического этапа в российском революционном движении. Представители одной из них выстраивали прямую генетическую связь между народничеством и большевизмом и ставили в заслугу предтечам зарождение идей о необходимости

опоры на массы и создания централизованной политической партии. Их оппоненты, напротив, видели в народниках исторического соперника и отказывались признавать какое-либо родство с ними [7, с. 360-362]. Отсутствие у власти твердой и однозначной позиции в дискуссии затрудняло выстраивание ветеранами собственной идентичности в постреволюционном обществе. Некоторые старые большевики – выходцы из народнического движения – принялись критиковать свое прошлое. В частности, К. П. Злинченко в своей переписке и мемуарах подразделяет жизнь на этапы, водоразделом между которыми становилось вступление в коммунистическую партию. При этом первый, «домарксистский», период представляется временем заблуждений и разочарований. «Тяжело бывает сознаться, – пишет он В. И. Скляревичу в феврале 1927 г., – что почти вся жизнь была ошибкой, хотя и глубоко искренней» [1, д. 30, л. 27].

Для его корреспондента народовольческий опыт, напротив, представлял собой «полезное прошлое». В. И. Скляревич занял компромиссную позицию: демонстрируя отказ от идейно-политических установок потерпевшего поражение народничества, тем не менее активно отстаивал важность последнего в революционном движении как в личной переписке, так и посредством печати [4]. В частности, неоспоримую заслугу «заговорщиков» он видел в подготовке будущих революционных кадров. Глубоко задетый критикой К. П. Злинченко, Владимир Иванович писал: «Скажи во всеуслышание на всю Россию, на весь Союз, что ты от нас и от меня в том числе ничему другому не научился, как тому, как не надо делать революцию» [1, д. 30, л. 115 об.]. По убеждению Скляревича, народовольческое прошлое заключало в себе нравственный идеал бескорыстной борьбы за социальную справедливость, актуальный и в постреволюционной России. Статус носителя славной революционной традиции позволял ветерану успешнее адаптироваться к реалиям советской действительности. В отличие от бывших меньшевиков и эсеров, народовольцы пользовались значительным авторитетом и находились на особом положении в том числе в Обществе политкаторжан, членом которого состоял В. И. Скляревич.

Следующий тематический блок, содержащийся в переписке двух ветеранов революции, – это сведения, рассмотрение которых позволяет прояснить процедуры приспособления старого большевика и бывшего эсера к бытовым и политическим реалиям 1920-х – начала 1930-х гг. В первые годы после установления в Дальневосточной республике советской власти В. И. Скляревич пострадал от репрессий большевистского правительства [Там же, л. 4]. Автор не раскрывает адресату подробностей своих злоключений, однако, судя по всему, как и многие эсеры, Владимир Иванович подвергался допросам и принуждению к публичному отказу от принадлежности к партии (в письме к Злинченко он утверждал, что опубликовал подобное заявление в одной из провинциальных газет в 1923 или 1924 гг.) [Там же, д. 50, л. 22].

Униженный подозрительностью власти, ветеран революции скептически настроился в отношении действительности, прекратил общественно-политическую деятельность и полностью ушел в педагогическую работу. Поворотным моментом в его постреволюционной судьбе стало чествование в день юбилея в феврале 1927 г. Подробнейшему описанию праздника посвящено восторженное послание В. И. Скляревича старому товарищу по революционной борьбе [Там же, д. 30, л. 82 – 84 об.]. Почувствовав себя уважаемым и полезным человеком, старый народовец воспрянул духом, вновь вернулся к общественной работе, которую считал призванием. В двадцатые годы «сомнительное» политическое прошлое не очень мешало самореализации граждан. Уже в 1929 г. Скляревич в письме к Злинченко с гордостью сообщал, что стал в Иркутске «одним из самых известных агитаторов-пропагандистов» и удостоился высокой оценки местными большевиками за идейную «выдержанность» своих докладов, которой может позавидовать даже партизнец [Там же, л. 126-127].

В анкетах и автобиографиях, составленных для Общества политкаторжан, В. И. Скляревич предстает неутомимым активистом-общественником, отдававшим себя без остатка революционной работе [6, д. 419]. Как представляется, в этом смысле он являл собой если не типичный, то, во всяком случае, весьма распространенный типаж среди соратников по борьбе. Биографии ветеранов, в том числе их деятельность в послереволюционный период, подтверждают суждение исследователя О. М. Морозовой, о том, что революционер – прежде всего наиболее активный и амбициозный человек своего времени [3, с. 313, 333]; добавим: общественник по натуре. Должно быть, этот фактор играл немалую роль в примирении бывших противников коммунистической партии с большевистским режимом, который нуждался в активистах с революционным прошлым. Учтем, что от эсерства Скляревич отрекся, хотя и политическим самобичеванием не занимался.

Функции адаптатора ветеранов к реалиям Советской России успешно выполняло Общество политкаторжан. Оно не только направляло общественно-политическую деятельность своих членов, но взяло на себя заботы о приспособлении их к бытовым условиям 1920-1930-х гг. Так, нам известно, что В. И. Скляревичу и пятерым его детям удалось устроиться и самостоятельно содержать себя в ситуации безработицы 1920-х гг. [6, д. 419, л. 1]. Один из сыновей, воспользовавшись льготой, дававшейся детям политкаторжан при поступлении в вузы, учился в аспирантуре при техническом институте сначала в Иркутске, а затем в Ленинграде [1, д. 30, л. 119]. Отметим, что большинство революционеров выбирали для своих детей именно этот путь – получение высшего образования, открывавшего значительные перспективы в связи с начинавшимся социалистическим строительством. Сам Владимир Иванович к концу 1920-х гг. перебрался из считающейся провинциальной Читы сначала в Иркутск, а затем в Ленинград, где вскоре, как старый народовец и активный общественный работник, получил квартиру в Доме-коммуне политкаторжан. Как видим, старые революционеры (даже эсеры) имели хорошие перспективы в Советском Союзе 1920-х гг.; их прошлое выступало существенным

подспорьем жизненного устройства. В то же время материалы переписки отнюдь не дают оснований для обвинения бывшего эсера в «шкурничестве» (популярный в двадцатые годы термин). Ориентация социалистов на примирение с большевистской властью объяснялась значительным снижением репрессивности режима и открывшимися возможностями для самореализации.

О жизни старого большевика Кирилла Павловича Злинченко из переписки со Скляревичем известно немного. Перед своим собеседником он представлял как человек чрезвычайно занятой и влиятельный, о чем свидетельствуют неоднократные упоминания о помощи В. И. Скляревичу в получении пенсии и в других вопросах. Между тем самому Злинченко его политический активизм не приносил ощутимых «дивидендов». Многочисленные инициативы по усовершенствованию кадровой политики большевиков и иным вопросам, с которыми он обращался в партийные инстанции (в личном фонде К. П. Злинченко сохранились письма в Московский и Центральный комитеты партии, Президиум ЦКК ВКП(б) и даже Политбюро), судя по всему, оставались без внимания. Более того, в 1929 г. партийный стаж Кирилла Павловича был пересмотрен, в результате чего он был исключен из Общества старых большевиков [Там же, д. 52, л. 112-113]. Получалось, что теперь, спустя более чем 10 лет после революции, заслуженный член ВКП(б) К. П. Злинченко оказался разжалован и унижен, в то время как бывший эсер пользовался почетом и уважением. И это весьма выразительный факт: положение активистов-большевиков зачастую в 1920-х гг. оказывалось более шатким, нежели положение «разоружившихся» бывших эсеров. Вполне вероятно, В. И. Скляревич подобное обстоятельство интуитивно осознавал.

Третий крупный тематический блок, который может быть условно выделен в рассматриваемой переписке, составляла «политическая дискуссия» между старыми товарищами, вызванная настойчивыми предложениями К. П. Злинченко о вступлении В. И. Скляревича в коммунистическую партию. Убеждая своего корреспондента в правильности выбранного большевиками пути, Злинченко указывал на успехи партии в завоевании власти и удержании ее в течение десятка лет. Здесь он выступал выразителем воли ВКП(б). Последняя, наводненная после революции карьеристами и всякого рода «случайными элементами», стремилась пополнить свои ряды искренними и при этом авторитетными борцами за социальную справедливость. Выразителями такого стремления были идейные старые большевики. В 1920-е гг. К. П. Злинченко неоднократно выдвигал перед Центральной контрольной комиссией предложение использовать на ответственной работе изгнанных из партии коммунистов, если только они исключены за идейные шатания, а не за «шкурничество» и преступления по должности [Там же, д. 50, л. 1-2]. Бескорыстная преданность делу революции являлась для Злинченко тем самым качеством, которое он ценил в своем товарище по революционному движению, оправдывая этим его конфликт с большевиками после Октябрьской революции [Там же, д. 30, л. 27].

Тем не менее В. И. Скляревич не спешил связывать себя партийным билетом. В условиях 1920-х – начала 1930-х гг. заслуженный революционер вполне мог не только существовать, но даже занимать почетное место в социальной структуре раннесоветского общества, не во всем разделяя точку зрения партии. Главным требованием власти к бывшим социалистам-оппозиционерам оставалась принципиальная лояльность режиму. Этому критерию Владимир Иванович соответствовал. Он уклончиво отвечал на вопросы К. П. Злинченко о политических разногласиях с большевиками. Однако, стремясь порадовать старого товарища, сообщал ему о своей идейной эволюции в сторону сближения с идеологией господствующей партии. 20 сентября 1933 г. в одном из последних писем так и оставшийся до конца своих дней беспартийным социалистом В. И. Скляревич писал: «...у меня все более и более укрепляется мысль, что какие бы ни были трудности на пути этого строительства (социалистического. – *А. Т.*), а оно, наверное, осуществится, и этого осуществления не так уж долго ждать придется. Может быть, и мы доживем до него. Я, по крайней мере, твердо решил дожить...» [Там же, л. 176 об.].

В 1920-1930-е гг. идейный вектор оставался определяющим в жизни и деятельности ветеранов отечественного революционного движения. Отказ от борьбы за социализм был для них равносителен перечеркиванию всей жизни. Многие продолжали бороться с большевиками в рядах своих партий в эмиграции, другие выбрали путь сотрудничества с новой властью. К числу лояльных советскому правительству социалистов принадлежал В. И. Скляревич и поэтому он вступил в Общество бывших политкаторжан. В функции последнего входило пропагандистское и просветительское обеспечение социалистического строительства. Вместе с тем бывший эсер сохранял идейную автономию и даже в обстановке «великого перелома» отказывался от членства в правящей партии. Он выжидал, присматривался; отстранившись от активной политической деятельности, Скляревич избежал жизненных бурь и (по крайней мере до 1933 г. – до завершения переписки) в отношении бытового устройства преуспел.

По мнению автора этих строк, другую «революционно-ветеранскую» тенденцию выразил К. П. Злинченко, стремившийся компенсировать и искупить большевистской активностью юношеское увлечение народничеством. Как видим, серьезную карьеру ему сделать не удалось, и более того, он был разжалован. Чрезвычайно выразительные факты, дополняющие образ протагониста, мы обнаруживаем в фонде Злинченко. Оказывается, Кирилл Павлович был крайне разочарован и возмущен тем, что Скляревич не поддавался уговорам вступить в коммунистическую партию. В результате уже в 1928 г. он посчитал нужным информировать большевистское руководство в лице секретаря ЦКК ВКП(б) Е. М. Ярославского о «потенциальном враге» советской власти В. И. Скляревиче, «в котором несомненно сидит еще народник, эсер». Одновременно он рекомендовал организовать проверку членского состава Общества бывших политкаторжан на предмет

выявления «вредителей» [Там же, д. 50, л. 8-9]. Организационных выводов Ярославский из этого «сигнала» не сделал, и изменений в судьбе Скляревича не произошло. К. П. Злинченко продолжил поиски возможностей для реализации коммунистической идейности. Стремясь доказать свою преданность и полезность делу партии, он писал письма большевистским руководителям с просьбой направить его на какую-нибудь опасную работу в ОГПУ [Там же, д. 55, л. 37 об.]. Думается, информация, отправленная К. Злинченко Е. Ярославскому, относится к разряду совершенно обычных явлений изучаемого времени. Истинный большевик обязательно выступал информатором партийной власти. Однако присущие Злинченко чрезмерная политическая активность и перебор по части идейности не могли не сыграть в его судьбе негативной роли.

Мы обнаружили две линии в судьбах ветеранов революционного движения. В К. П. Злинченко и В. И. Скляревиче автор усматривает характерные типы активных российских революционеров, оказавшихся в довольно сложных обстоятельствах на переходе от поздненэповского времени к «социалистически-реконструкторскому» периоду. Одни прибегали к помощи политического активизма и бежали впереди «политического паровоза»; они чаще всего проигрывали. Другие же шли по пути умеренного компромисса с властью и при этом стремились оставаться в тени; нередко их толерантная позиция была залогом успеха.

В целом переписка, обнаруженная в личном фонде К. П. Злинченко, представляет интерес как диалог выразителей двух тенденций: одержавшей победу большевистской и не реализовавшейся народнической. Последнюю характеризует стремление к компромиссу с властвующей коммунистической партией. Эта позиция позволяла бывшим противникам коммунизма успешно адаптироваться к бытовым и политическим реалиям постреволюционной России 1920-х – начала 1930-х гг. Напротив, воспитанная ригористической большевистской идеологией нетерпимость предопределила тупиковый вариант жизненного устройства отечественных ветеранов-революционеров.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9463. Оп. 1.
2. Злинченко-Работников К. П. Жизнь, как она была: повесть из былого рядового большевика. 1870-1896 гг. Ч. 1. М.: Федерация, 1931. 160 с.
3. Морозова О. М. Два акта одной драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2010. 360 с.
4. Скляревич В. И. О киевской «группе заговорщиков» 1885-1892 гг. // Каторга и ссылка. 1928. № 5. С. 68-71.
5. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.): подготовка, проведение, итоги: сборник документов / сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. М.: РОССПЭН, 2002. 1007 с.
6. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 506. Оп. 2.
7. Шемякина О. В. И. А. Теодорович и политические контексты изучения народничества в 1920-1930-е годы // Труды Института российской истории Российской академии наук. 2014. № 12. С. 357-371.

TWO LINES IN THE FATE OF THE REVOLUTIONARY MOVEMENT VETERANS (BY THE MATERIALS OF THE CORRESPONDENCE OF V. I. SKLYAREVICH AND K. P. ZLINCENKO IN THE 1920-1930S)

Trofimova Aleksandra Mikhailovna

*Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
alexandra.tr.90@gmail.com*

The author of the article sets the task of clarifying the procedure of adapting Socialists-Narodniks to the everyday and political reality of the late 1920s and early 1930s. Two tactics of adaptation are revealed basing on the analysis of the correspondence of two veterans-revolutionaries found in the State Archives of the Russian Federation. The first suggested compensation for the non-Bolshevik past with communist ideology and political activism. The second was characterized by an attempt to compromise with the authorities: former opponents of the Bolsheviks abandoned the ideological principles of the defeated Narodnik movement and withdrew from active political activity in favor of public work. The author substantiates the point of view, according to which the compromise position promoted successful adaptation of veterans to postrevolutionary reality.

Key words and phrases: revolutionary movement veterans; socialists in Soviet Russia; Narodnik movement; Bolsheviks; socialists-revolutionaries; adaptation; Society of Former Political Prisoners and Exiles.